

О. Б. ТКАЧЕНКО (Киев)

MERIANICA. К ПЕРИОДИЗАЦИИ МЕРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Для изучения истории любого языка, в том числе бестекстного, каким на основании имеющихся данных представляется и ныне мертвый мерянский язык, большое значение имеет его периодизация. Периодизация даже хорошо известного языка не может быть чем-то совершенно неизбылемым. С обнаружением новых исторических фактов в нее вносятся определенные уточнения. Тем более это относится к малоисследованным, преимущественно реконструируемым языкам, где ввиду крайне ограниченного объема сведений контуры хронологических рамок менее четки и бесспорны. Однако даже эти языки для осмысления их истории нуждаются уже на начальном этапе исследования в установлении хотя бы приблизительных хронологических ориентиров, основных периодов их существования. В ходе дальнейшего изучения эта первоначальная периодизация реконструируемых языков должна, естественно, уточняться. Не составляет исключения и один из подобных языков — мерянский, новейшая попытка системной реконструкции которого¹ в сочетании с известными науке обстоятельствами его внешней истории дает основание предположить его первоначальную хронологию.

История мерянского языка, включая как периоды предварительной его выработки и самостоятельного развития, так и время, когда, прекратилось употребление в качестве отдельного живого языка и в сохранившихся остатках он продолжает существовать как субстрат русского, допускает ее деление на три эпохи — 1) протомерянскую, 2) (собственно)мерянскую, 3) постмерянскую (включение последней оправдывается, в частности, тем, что именно данные этой эпохи во многом служат и будут служить, особенно если не обнаружатся мерянские языковые памятники, материалом для воссоздания истории языка). Более детальные подразделения, подтверждаемые имеющимися в настоящее время сведениями, дают следующую периодизацию, обоснование которой будет приведено далее.

I. Протомерянская эпоха (VI тыс. до н. э. — конец II тыс. до н. э.):

- 1) раннепротомерянский период,
- 2) среднепротомерянский период,
- 3) позднепротомерянский период.

II. (Собственно)мерянская эпоха (I тыс. до н. э. — 1730—1750 г. н. э.):

А. Древнемерянская пора (I тыс. до н. э. — IX в. н. э.):

- 1) раннедревнемерянский период (I тыс. до н. э. — V в. н. э.),
- 2) позднедревнемерянский период (VI—IX вв.),

Б. Новомерянская пора (X в. — 1730—1750 г.):

- 1) ранненомерянский период (X—XII вв.),

¹ См. Ткаченко 1985. Автор воздерживается здесь от подробной аргументации привлекаемых фактов мерянского языка и ссылается на соответствующие доказательства в книге.

- 2) средненовомерянский период (XIII—XVI вв.),
- 3) поздненовомерянский период (XVII в. — 1730—1750 г.).

III. Постмерянская эпоха (с 1731—1751 г.):

- 1) раннепостмерянский период (1731—1751 г. — 1810 г.),
- 2) среднепостмерянский период (1811—1890 гг.),
- 3) позднепостмерянский период (с. 1891 г.).

Протомерянская эпоха относится к предстории мерянского языка, когда его предок, протомерянский идиом, еще не выделившись как особый финно-угорский язык, существовал в границах финно-угорской языковой семьи как один из прафинно-пермских (праокских) диалектов, приобретая постепенно все более своеобразные языковые черты. Отчетливое начало протомерянской эпохи можно усматривать в распаде финно-угорского праязыка (VI тыс. до н. э.) на праокскую (прафинно-пермскую) и праугорскую (а также, очевидно, досаамскую) ветви (см. Вийтсо 1980 : 238), в состав первой из них протомерянский идиом входил. Ее конец совпадает с концом II тыс. до н. э., поскольку с I тыс. до н. э. связывается появление мери как отдельного финно-угорского этноса (История СССР 1966 : 312—314), по-видимому, уже имевшего собственный язык. Вся данная эпоха является доисторической и судить о ней можно только с помощью позднейших собственно мерянских языковых фактов при их сравнительно-историческом освещении. Протомерянскую эпоху оправданно подразделять на три периода с относительно ясными только начальной границей первого и конечной последнего периодов. Спецификой раннепротомерянского при его в целом прафинно-пермском характере была известная связь с праугорским (в частности, протоненгерским и протообско-угорским), проявляющаяся в ряде сохранных мерянским, общих с ним черт, ср. мер. **palo(-ä)* 'деревня' — венг. *falu* (< **palu*), манс. *nāvyl*, хант. (вост.) *puṣal* то же; мер. **-k* (формант мн. ч.: **βän-ä-k* 'двурогие вилы (мн. ч.)' — **βeñ* (< **βänä* < **βäni*) то же (ед. ч.) — венг. *-k* (формант мн. ч.: *falu-k* 'деревни'); мер. **pa'и'* (союз) — хант. *na* то же (Ткаченко 1985 : 184, 97, 139—143, 123). Это объяснялось, очевидно, тем, что, будучи одним из праокских идиомов и входя в их группировку, раннепротомерянский в то же время располагался где-то на границе с праугорской языковой ветвью, что, способствуя тесным контактам с нею, породило общие с праугорскими явления. Объяснить их иначе трудно, так как, переселившись в дальнейшем с финно-угорской прародины, где были наиболее возможны подобные контакты, (прото)меря утратила связи с (пра)уграми и позднее с ними скорее всего не соприкасалась. Среднепротомерянский период характеризовался отдалением протомерянского не только от праугорского, но и от более близкого ему генетически прапермского и сближением с прафинским, с которым в этот период он пережил ряд общих процессов, в частности, в развитии лексики, исконной и заимствованной. Среди последней выделяются общие для ряда финно-угорских языков лексемы, видимо, заимствования из индоевропейского языка (иногда явно протославянского типа) представителей т. н. фатьяновской культуры, — ср., в частности: мер. **jährä* 'озеро' — фин. *järvi*; эст. *järv*, лив. *jāra* (< **javra*), мордЭ *эрьке*, мордМ *эрьке*, мар. *ep*, марГ *äp* < **j(ä)gere* < **aġhero/-e*, ср. рус. *озеро*, псл. **ezero*, литов. *ežeras* (*ažeras*), латыш. *ežers* то же (Ткаченко 1985 : 53—54). В позднепротомерянский период происходит, по-видимому, известное отдаление протомерянского от прамарийского и сближение его с прамордовским и особенно праприбалтийско-финским: ср. реконструируемую, исходно общую для (прото)мерянского и (пра)прибалтийско-финского, систему местных падежей; одинаковую в основе форму 3 л. ед. ч. глагола **wolę* 'быть' (мер. **joñ* 'есть' — фин., эст. *on* то же); общую с прибалтийско-финскими форму

отрицательного спряжения того же глагола (мер. **e jola/-ǝ* < **ei ole* 'нет (не есть)' — фин., эст. *ei ole* то же) и под. (Ткаченко 1985 : 96, 98—101, 112—113, 115—116). Конец этого периода должен был застать мерю на ее исторически засвидетельствованной территории.

(Собственно)мерянская эпоха охватывает в общей сложности время с I тыс. до н. э., предположительного начала существования мерянского как отдельного финно-угорского языка, примерно по 1730—1750 гг. н. э., допустимого хронологического рубежа, когда перестали существовать его последние носители, а тем самым и язык. В свою очередь (собственно) мерянскую эпоху целесообразно разделить на два больших хронологических отрезка. Начало древнемерянской поры (I тыс. до н. э.) устанавливается на основе археологических данных, концом (IX в. н. э.) наиболее обоснованно считать последний век перед проникновением на мерянскую территорию восточнославянских поселенцев — вятичей, кривичей и новгородских словен. Древнемерянская пора распадается на два периода, первый из которых не оставил никаких исторических (письменных) свидетельств о мере и отношении, следовательно, к доисторическим. В этот период, видимо, произошло особенно тесное сближение меры с представителями фатьяновской культуры, носителями индоевропейского языка (частично протославянского типа), результатом которого стала полная ассимиляция фатьяновцев. Именно тогда в мерянский язык могли быть заимствованы индоевропейские (фатьяновские) лексемы, отсутствующие в других (пра)финских языках: **βeń* (< **βāni* < **dwāni*) 'двурогие вилы (букв. (вилы-)двойни (ед. ч.))', **cōlā* (< **cōlv/-ǝ*) 'здоровый, целый' и под. (Ткаченко 1985 : 134—143, 167—169). В какой-то степени именно индоевропейский фатьяновский субстрат мог способствовать выделению мерянского языка среди других финно-угорских (помимо лексических включений, также влиянием фонетики, — прервав в частности развитие сингармонизма) (Ткаченко 1985 : 190). В VI в. с первой фиксацией этнонима *меря* (лат./гот. *Merens* (вин. пад. мн. ч.) у готского историка Иордана, — как отражение древнемер. **merā* 'меря') наступает первый исторический период мерянского языка, позднедревнемерянский. В это время меря вступает первоначально в оживленные, как опосредствованные, так и прямые, отношения с балтийцами (особенно голядью), о чем говорят балтийские заимствования типа **kirβās* (ср. фин. *kirves*, литов. *kirvis*) 'топор', **kolvā* 'язык, речь; разговор', **kolvāma(-ǝ)* 'говорение' (литов. *kalba* 'язык') (Ткаченко 1985 : 150, 155—156, 172), невозможные в последующие периоды. К концу этого времени меря становится союзником восточных славян — участие (859 г.) в восстании против варягов, в походе (882 г.) Олега на Киев, однако поселения славян на их землях еще не происходит. Скорее всего именно с древнемерянскими периодами связано начало развития характерных, в частности, фонетических, явлений мерянского языка (например, перехода *a > o*, *o > u*, *ā > e*, *e > i* типа **palo* > **pol* 'деревня', **oraβa* (> **urβa*) > **urma* 'белка', **βāni* (> **βānə*) > **βeń* 'двурогие вилы (ед. ч.)', **elādoma* > **ilđoma (-ǝmǝ)* 'безжизненный' и т. п.), отличающих его от других финно-угорских (Ткаченко 1985 : 141).

С X в., когда восточные славяне начинают селиться на мерянских землях и вместе с тем появляется большое количество записей мерянской лексики, известной в основном по названиям, следует датировать начало новомерянской поры. Контакты меры с восточными славянами постепенно привели к ее славизации, как ранее взаимосвязь меры с протославянами закончилась финно-угризацией последних. Причинами славизации меры при мирных, по данным советской исторической науки, взаимоотношениях ее со славянами стали скорее всего численное пре-

обладание славян, а также их социально-экономическое и культурное превосходство над местными финно-уграми в новомерянскую пору (Ткаченко 1985 : 7—9, 167—169, 190—191). Ввиду недостаточного количества языковых фактов об эволюции (ново)мерянского языка пока нет возможности провести его периодизацию на основе данных внутренней истории. В связи с этим единственным критерием являются сведения о внешней истории языка и его носителях, косвенно связанные с его внутренней историей. Они дают основание разделить новомерянскую пору на три периода. В первый (X—XII вв.) мерянская языковая территория, судя по отсутствию на ней в это время мерянских «островов» (мер(ь)-ских станов) (Третьяков 1970 : 135), была еще сплошной. На основании исторических сведений о миссионерской деятельности среди мери первого ростовского епископа св. Леонтия и фактов мерянского языка, отражающих мерянскую христианскую терминологию (**joβlās* / **jo(β)ls* < сгр. *διάβολος* 'дьявол, черт', *koka(-ə)*, 'крестная мать (также — (исходно) старшая сестра, тетя)'), можно считать, что в этот период для нужд христианского богослужения на мерянский язык были переведены некоторые религиозные тексты (Ткаченко 1985 : 8, 147—148, 172, 150—155). В свою очередь необходимость в богослужении на мерянском языке говорит о слабом развитии меряно-славянского двуязычия. Оно в это время (вместе с частичной ассимиляцией) затронуло, очевидно, только социальные верхи мерянского общества и мерю, живущую в крупных городах (Ростов, Суздаль, Владимир) или в непосредственной близости от них. Во второй период (XIII—XVI вв.) ввиду все большего переселения славян на мерянские земли, особенно усилившегося в связи с монголо-татарским нашествием, первоначально единая этно-языковая территория мери распалась на целый ряд разобщенных «мерянских островов» (мер(ь)-ских станов) (Третьяков 1970 : 135—137), окруженных землями со славяно-русским населением. Это должно было вести ко все большему дроблению мерянского языка на диалекты и говоры, затруднявшему общение мери на своем языке, и ко все более настоятельной необходимости усвоения мерей (славяно-)русского языка. Это вело к развитию меряно-русского двуязычия и постепенной славизации мери, утрате ею своего языка. К концу второго и особенно в третий период (XVII в. — 1730—1750 гг.) количество мер(ь)-ских станов уменьшается. Последние из них были расположены на крайнем востоке бывшей мерянской территории. Вместе с уменьшением количества говорящих в поздненомерянский период в связи с развитием интерференции и снижением социолингвистического статуса мерянский язык должен был явно деградировать и структурно, что сказалось, в частности, в чрезмерном количестве заимствований из русского, часто вызванных только мотивами престижности. Если в начале меряно-славянских контактов заимствовались слова для передачи отсутствующих явлений (**koroni-(ms)* 'хоронить по христианскому (славянскому) обряду'), то теперь заимствования использовались и для понятий, имевшихся у мериан (**tama* 'мама, мать', ср. **tama-j* 'мама!' (Ткаченко 1985 : 187)). Последними носителями языка, как обычно бывает в подобных случаях (показательны, в частности, соответствующие сведения о полабском языке²), были, очевидно, старики поколения, которое еще активно владело языком, но уже не было способно передать знание его своим потомкам, не усматривавшим во владении им какой-либо ценности. Поэтому между

² «... пастор... Хр. Генниг (Hennig, 1649—1719), составитель полабского словаря, сообщает между прочим следующее о славянской речи у своих прихожан: «В настоящее время здесь говорят по-вендски (т. е. по-полабски — О. Т.) немногие старики; с молодежью они уже не говорят на этом языке... Таким образом через 20 или 30 лет этот язык исчезнет» (Селищев 1941 : 421).

тем временем, когда еще были сравнительно большие группы меряноязычного населения всех возрастов, и тем, когда язык вышел полностью из употребления, должен был находиться временной отрезок, когда массовые группы говорящих на нем уже исчезли, но сохранились еще отдельные, наиболее пожилые его носители. Длительностью их жизни в данном случае определялась конечная граница существования живого мерянского языка. Из-за отсутствия точных данных она может быть определена ориентировочно. Предел существования мерянского языка устанавливается с помощью исторических и чисто лингвистических фактов. К первым относится употребление в документе XVIII в. по отношению к местности на востоке современной Костромской области названия «мер(ь)ский стан»: «Георгиевская (церковь), что в Мер(ь)ском (стане)» (Третьяков 1970 : 137), свидетельствующее о возможности сохранения здесь в это время мерянского населения и языка. Ко вторым принадлежит факт записи в конце XVI в. (1578 г.) в современном Суздальском районе Владимирской области названия населенного пункта *Кибало* (< мер. **ki-valo* 'Каменная деревня'), известного теперь как *Кибол* (< мер. **ki-vol* то же) (Ткаченко 1985 : 46, 49), что отражает фонетическое развитие мерянского языка. При медленности протекания языковых процессов следует принять, что здесь, в одном из центральных районов бывшей мерянской территории, мерянский язык мог существовать по крайней мере до середины XVII в. или до конца его 70-х годов. Очевидно, еще дольше, до рубежа XVII—XVIII вв. или до первых двух десятилетий XVIII в., причем как принадлежность целых групп населения, мог сохраниться мерянский язык на крайнем востоке области его распространения. Отсутствие среди словарных записей финно-угорских языков России, проводившихся в 30—50-е годы XVIII в. (Феоктистов 1971 : 14—15), мерянского лексического материала показывает, однако, что позже 1710—1720 гг. массовых групп носителей мерянского языка даже в наиболее отдаленных районах не осталось. Могли существовать только отдельные его носители, не пережившие рубежа 1730—1750-х годов.

Начиная с 1731—1751 годов начинается третья (и последняя) эпоха существования мерянского языка, — уже только в его субстратных остатках, растворенных в областном русском языке, — эпоха постмерянская. Характеризуется она в основном постоянным уменьшением остатков мерянского языка в русских постмерянских говорах, что связано с распространением русского литературного языка и нивелированием диалектов, с миграциями населения Центральной России, преобразованием природы, переименованиями и т. п. Противоречивость постмерянской эпохи состоит в том, что параллельно с процессом уменьшения субстратных остатков мерянского языка в русских говорах растет интерес к ним. Учет особенностей этих двух процессов, обратно пропорциональных друг другу, позволяет разделить постмерянскую эпоху на три периода, первый из которых как непосредственно примыкающий к (собственно) мерянской эпохе сохранил больше всего остатков мерянского языка. Однако это время, когда диалектология и фольклористика только зарождались, не дает (или они не обнаружены) никаких записей диалектных или арготических слов мерянского происхождения. Только с 1811 г., когда возникает Общество любителей российской словестности, начавшее в своих «Трудах» издание собранной диалектной и арготической лексики, появляются публикации (пост)мерянских языковых материалов. Благодаря этому для науки сохранен целый ряд (пост)мерянских слов и выражений (типа *урма* 'белка', *лейма* 'корова', *елусь-поелусь* 'хлеб-соль' и т. п.). В связи с археологическими работами в области мерянских древностей в этот период ставится впервые вопрос и об исследова-

нии и реконструкции мерянского языка (см. Корсаков 1872 : 15—16, 36). И только позже с появлением работы Т. С. Семенова «К вопросу о родстве и связи мери с черемисами» (в книге: Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887, Москва 1891, с. 228—258) начинается специальное научное исследование мерянского языка, характерное для позднепостмерянского периода. Если к постмерянским относить только элементы, воспринятые русскими говорами непосредственно от мерянского языка поздненомерянского периода, то следует считать, что позднепостмерянский период закончится уже с полной нивеляцией соответствующих говоров. Если же под постмерянскими понимать более широко все явления, оставленные русскому языку мерянским во все периоды контактов, то закономерно утверждать, что постмерянская эпоха распространится на все последующее время существования русского языка вообще. Однако как ни определять конечную границу позднепостмерянского периода, который пока продолжается, ясно одно: (пост)мерянского материала с течением времени становится все меньше. Поэтому уже сейчас должна быть поставлена и решаться не только задача исследования и реконструкции мерянского языка по уже имеющимся данным, но и задача сбора и изучения еще не собранных и неизвестных (пост)мерянских материалов. Ввиду этого необходимо не только продолжить работу в области исследования постмерянских явлений современных народных говоров, арго и ономастики центральнорусских областей, а и тщательно собрать и изучить все письменные источники мерянского языка прошлых периодов. Несомненно, очень много могут дать даже обнаруженные отдельные вкрапления (пост)мерянских апеллятивов и ономастики в памятниках русского языка, как и в ранних записях русской диалектной лексики. Еще большего следует ожидать от открытия, по-видимому, имевшихся, но пока не обнаруженных, чисто мерянских языковых памятников, наиболее древние из которых могут быть отнесены к XI веку.

ЛИТЕРАТУРА

- Вийтсо Т.-Р. 1980, [рец. на] Е. А. Хелимский, Древнейшие угорско-самодийские языковые связи (Анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1978. — СФУ XVI, 237—240.
- История СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, том I, Москва 1966.
- Корсаков Д. 1872, Мери и Ростовское княжество, Казань.
- Селищев А. М. 1941, Славянское языкознание, том I, Москва.
- Ткаченко О. Б. 1985, Мерянский язык, Киев.
- Третьяков П. Н. 1970, У истоков древнерусской народности, Ленинград.
- Феоктистов А. П. 1971, Русско-мордовский словарь. — Из истории отечественной лексикографии, Москва.

О. В. ТКАЧЕНКО (Kiev)

MERIANICA. ZUR PERIODISIERUNG DES MERJANISCHEN

Auf Grund des neuesten vom Verfasser unternommenen Versuchs der Systemrekonstruktion des Merjanischen kann folgende Periodisierung für diese Sprache vorgeschlagen werden:

- I. Die protomerjanische Epoche (6. Jt. v.u.Z. bis Ende des 2. Jt. v.u.Z.) wird in die früh-, mittel- und spätprotomerjanische Periode untergliedert.
- II. Die (im eigentlichen Sinne) merjanische Epoche (1. Jt. v.u.Z. bis etwa 1730/1750) teilt sich in die altmerjanische Zeit (1. Jt. v.u.Z. bis 9. Jh. u.Z.) bestehend aus der früh- und spätaltmerjanischen Periode und in die neumerjanische Zeit (10. Jh. bis 1730/1750) bestehend aus der früh-, mittel- und spätneumerjanischen Periode.
- III. Die postmerjanische Epoche (ab 1731/1751) wird in die früh-, mittel- und spätpostmerjanische Periode untergliedert.